

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. Г. АДМОНИ

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Типология предложения становится одной из важных областей теоретической грамматики. В предложении пересекаются все сферы, в которых существует язык, все функции, которые им выполняются. Отсюда необычайное многообразие тех форм, в которых существует предложение, т. е. его типов или моделей¹. В огромном большинстве грамматик самых различных языков эти типы или модели в большей или меньшей степени учитываются, но разрозненно и без раскрытия связи между ними. Однако в языкознании на его нынешнем этапе, при все растущем стремлении к широкому, многоаспектному охвату языковой действительности, все чаще делаются попытки осмыслить это многообразие типов предложения, установить их систему, их стратификацию. (В той или иной степени при этом нередко высказываются идеи, уже выдвигавшиеся некогда в других формулировках, но обычно без прямой преемственности.) Задача этой статьи — осветить некоторые наиболее общие проблемы, которые встают при стремлении осознать стратификацию предложения, т. е. наметить систему типов предложения. Мы хотим также более подробно рассмотреть одну из сторон этой системы, представляющуюся нам исключительно важной. К полноте обзора теорий по этой проблематике мы стремиться не будем. Да это было бы и невозможно в рамках одной статьи.

Общим для многих современных концепций типологии предложения является установка на учет как формальной, так и содержательной стороны рассматриваемых типов. Но конкретный подход к объекту исследования бывает при этом различным. Здесь возможна как такая трактовка типологии предложения, при которой исходным моментом является содержательно-функциональная сторона предложения, так и трактовка, при которой исходным моментом оказывается его формальная сторона. На первый взгляд может показаться, что это различие касается скорее процедуры грамматического анализа, чем конечных результатов исследования. Ведь при внимательном и точном анализе, отправляясь от содержательно-функциональных моментов, можно прийти ко всем тем формальным структурам, которые могут быть обнаружены при их непосредственном анализе, и наоборот — отправляясь от формальных структур, опять-таки при внимательном и точном анализе, в конечном счете можно прийти ко всем тем содержательно-функциональным моментам, которые берутся за основу при предоставлении приоритета плану содержания. Но на самом деле положение здесь более сложное. Выбор исходного пункта, как правило, отнюдь не безразличен для конечных результатов конкретного исследования, создавая особый ракурс, под которым начинает рассматриваться вся

¹ См.: В. Г. Адмони, Типология предложения, «Исследования по общей грамматике», М., 1968.

система типов предложения. Впрочем надо оговориться, что в чистом виде оба эти подхода, конечно, не могут быть осуществлены, как это вообще свойственно грамматическим исследованиям. Какие-то представления о системе форм должны обязательно иметься как некая предпосылка при любом содержательном подходе к исследованию, так же как какие-то представления о содержании и о функциях при любом формальном подходе². Но все же чрезвычайно существенно, какой из этих моментов оказывается исходным в рамках данной теории.

В языкознании наших лет преобладает первый, т. е. содержательно-функциональный подход к типологии предложения, что проявляется как в развернутых, эксплицитных концепциях, так и имплицитно. А именно, на передний план выдвигаются обычно общие функции предложения или основные стороны выражаемого им содержания, на основе которых и устанавливаются различные стороны (аспекты) предложения как конкретной структуры со своими наборами типов предложения. Естественно, что при таком обращении к основным функциям и значениям предложений сторон (аспектов) предложения как конкретной структуры оказывается очень немного — обычно две или три.

Так, одно время было чрезвычайно распространено выделение в предложении двух сторон: актуального (смыслового) членения предложения, принадлежащего к речи и выявляющего его конкретное коммуникативное задание, и грамматического членения, принадлежащего к языку и выявляющего устойчивое конструктивное строение предложения³. Соотношением этих двух сторон в некоторых концепциях исчерпывалась вся основная суть предложения, и все конкретные разновидности типов предложения либо рассматривались как подчиненные этим двум его сторонам, либо вовсе не замечались, оставаясь в тени. Иногда при этом ощущалась тенденция придавать решающее значение одному из этих аспектов, а именно аспекту актуального членения, — в нем видели единственно живую, динамическую сторону в конституировании предложения, так что даже предикативность начинала рассматриваться как явление, целиком относящееся к сфере актуального членения предложения⁴, а сам термин «предложение» оказывался применимым только к единицам «уровня актуального членения» («коммуникативно-синтаксического уровня»), в то время как те же наборы слов, взятые только на уровне «грамматического явления» («конструктивно-синтаксическом уровне», или «уровне синтаксического конституирования») рассматриваются уже не как предложения, а как «синтаксические конструкции»⁵. Противопоставление актуального и грамматического членений предложения как решающее для структуры предложения иногда прямо обосновывается тем, что они являются двумя непересекающимися функциональными планами существования предложения в соответствии с наличием у языка двух основных функций — функции выражения мысли и функции сообщения⁶. Вариациями концепций, противопоставляющих актуальное членение грамматическому членению, являются концепции, усматривающие в структуре предложения ре-

² См.: В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 3—4.

³ См.: V. M a t h e s i u s, O tak zvaném aktualním členění větném, сб. «Čeština a obecný jazykozpyt», Praha, 1947; К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я, К вопросу о смысловом членении предложения, ВЯ, 1956, 5; И. П. Р а с п о п о в, Актуальное членение предложения, Уфа, 1964.

⁴ См., например: О. А. К р ы л о в а - С а м о й л е н к о, О предикативности, ФН, 1965, 1.

⁵ См.: И. П. Р а с п о п о в, Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. Автореф. докт. диссерт., М., 1964, стр. 9—12.

⁶ Там же, стр. 9.

зультат взаимодействия двух основных сторон (уровней) языка и речи. Такова, например, концепция, противопоставляющая потенциально-синтаксический и актуально-синтаксический уровни языка ⁷, и концепция, в которой выделяются синтаксический и логико-грамматический уровни языка ⁸. В последней концепции особый упор делается на том, что актуальное членение предложения получает развернутое формально-грамматическое выражение — в частности, в некоторых языках с помощью ряда предикативных показателей и т. п., — и служит, таким образом, грамматической реализацией субъектно-предикативной структуры соответствующей мысли, что и служит основанием для присвоения данному уровню наименования «логико-грамматический» ⁹.

В генеративной грамматике предложение, по сути дела, тоже рассматривается в двух основных измерениях. Поверхностная структура предложения, т. е. та его форма, которая дана непосредственно в речи, противопоставляется его глубинной структуре, т. е. так называемому ядерному предложению, которое выражает в наиболее прямой и краткой форме семантическое содержание поверхностных структур. Правда, поверхностными структурами в генеративной грамматике оказываются не только предложения, как они непосредственно существуют в речи, но также и предложения некоторых конструктивных типов, взятые безотносительно к своей речевой форме (например, пассивные предложения). Кроме того, ядерные предложения противопоставляются здесь не только «поверхностным предложениям», но и словосочетаниям и даже компонентам сложных слов ¹⁰. Таким образом, противопоставление «поверхностных предложений» и «ядерных предложений» не может быть сведено к противопоставлению речевого и языкового уровней. Скорее оно может быть понято как противопоставление языковых (в самом широком смысле этого слова, включая и речь как форму существования языка) структур структурам логическим. По крайней мере, в этом направлении идут те представители генеративной грамматики, которые подчеркивают универсальный характер глубинных структур и считают несущественным конкретное языковое оформление этих структур в конкретных языках. Но при всем том выделение двух основных сторон или форм в структуре предложения является решающим для этого грамматического течения.

Широкое обращение к двоичной системе при стратификации предложения в современном языкознании, конечно, не является случайным. В системе значений и форм предложения действительно существуют и не могут не существовать какие-то сферы (стороны, уровни, аспекты), которые отражают и выражают две основные функции языка, а также одновременную органическую причастность предложения как к сфере языка, так и к сфере речи. Вместе с тем, ни одна из выдвинутых двоичных концепций в своем теперешнем виде не дает объяснения всей совокупности типов предложения, не сумела построить полную типологию предложения какого-либо языка как органически взаимосвязанную систему. Эти концепции справедливы в самом общем виде, в своем стремлении связать структуру предложения с общими функциями и условиями существ-

⁷ См.: И. Ф. В а р д у л ь, Очерки потенциального синтаксиса японского языка, М., 1964.

⁸ См.: В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, М.—Л., 1963; е г о ж е, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 227—230.

⁹ В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, стр. 39.

¹⁰ См., например: Н. Х о м с к и й, Синтаксические структуры, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1962, стр. 444—445, 468; З. С. Х э р р и с, Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре, сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 626—630.

ования языка, но они несправедливы в своей конкретной трактовке форм предложения.

Все дело в том, что как основные функции языка, так и противопоставление языка и речи отражаются в предложении не прямо и однолинейно, не в бинарно противопоставленных друг другу рядах типов. Каждая из функций и форм существования языка может находить свое выражение в двух или нескольких типах предложений, причем в одном и том же типе предложений может совмещаться выражение разных сторон, функций и разных форм существования языка, не говоря уже о том, что в типологии предложения реализуется и такая функция языка, как выражение эмоционального состояния говорящего, а также представлены разные виды организации предложения как единицы речевой цепи¹¹.

Показательным примером сложности и взаимосцепленности выражения в одном ряду типов предложения разных функций и «уровней» языка может служить тот ряд типов, в который входят предложения, различающиеся по степени своей полноты. В этот ряд входят следующие типы: 1) полные нераспространенные предложения, включающие в себя только необходимые компоненты предложения, но включающие их комплексно; 2) распространенные предложения, включающие в себя, помимо необходимых компонентов, еще факультативные, структурно необязательные; 3) эллиптические предложения, в которых отсутствует один или несколько необходимых компонентов предложения; 4) распространенно-эллиптические предложения, являющиеся комбинацией второго и третьего типов, т. е. лишенные одного или нескольких или даже всех необходимых компонентов, но содержащие один или несколько факультативных, структурно необязательных компонентов предложения. В основе такого различия типов предложения лежит как будто чисто структурный момент, связанный с закономерностями организации предложения — с соотношением необходимых и дополнительных компонентов в составе предложения. Но одновременно здесь выражается и определенное мыслительное содержание, которое мы называем логико-грамматическим. Разного вида сочетания необходимого и дополнительного составов предложения грамматически фиксируют в обобщенном виде отражение в человеческом сознании разного рода связей между теми отношениями вещей, явлений и т. д., которые даны в необходимых компонентах предложения, с теми вещами, явлениями и т. д., которые даны в его факультативных компонентах: например, связь между процессом, исходящим от субъекта, и его локальной приуроченностью (*Он работает на заводе*).

Нам кажется целесообразным строить систему типологии предложения, исходя из тех несводимых друг к другу типологических рядов, которые обнаруживаются в языковой действительности, устанавливая каждый раз как формальные, так и содержательные, функциональные, композиционные стороны каждого типа этих рядов. Те принципы, по которым объединены эти ряды, мы назовем аспектами (сторонами) предложения. Они оказываются, таким образом, значительно более дробными, чем аспекты, стороны, уровни в ранее рассмотренных концепциях, но зато они соответствуют реальным явлениям языковой системы, а кроме того, их выделение отнюдь не означает отказа от установления у предложения и более обширных общих сторон, которые, однако, сами по себе не могут раскрыть конкретную стратификацию предложения.

Поскольку постулируемые нами аспекты предложения устанавливаются на базе конкретных формальных различий между типами предложений,

¹¹ См.: В. Г. А д м о н и, Композиция предложения в современном немецком языке, сб. «Структура предложения и словосочетания в современном немецком языке», Л., 1971.

разные языки могут, в принципе, обладать разными аспектами предложения. Вместе с тем, насколько мы можем судить, существует огромная близость между системами аспектов предложения в очень многих языках. Это объясняется тем, что и эти более дробные аспекты все же складываются как выражение в высшей степени типичных моментов языковой действительности и случаев их взаимодействия.

Так как нам неоднократно приходилось намечать систему аспектов предложения для современного немецкого языка, то я ограничусь здесь их перечислением (применительно к немецкому языку)¹²: 1) аспект логико-грамматических типов предложения (подробнее о нем см. ниже); 2) модальный аспект (включающий в себя, с нашей точки зрения, и аффирмативность, т. е. противопоставление утвердительных и отрицательных предложений); 3) аспект полноты предложения; 4) аспект синтаксической соотнесенности между предложениями в речи (предложения самостоятельные, главные, подчиненные и т. д.); 5) аспект познавательной установки говорящего (актуального членения предложений); 6) аспект коммуникативной задачи, стоящей перед предложением (повествовательные, побудительные, вопросительные предложения); 7) аспект эмоциональной насыщенности предложения (различение эмоционально нейтральных и эмоционально повышенных предложений). Подчеркиваем еще раз, что эта система аспектов непосредственно намечена нами на основании конкретных фактов системы современного немецкого языка, так что мы отнюдь не утверждаем, что она в этой своей форме подходит для всех языков мира.

Как мы уже отмечали, эта система аспектов предложения не совпадает с системами, в которых типология предложения строится как противопоставление двух его основных сторон, уровней. Но при внимательном рассмотрении нашей системы обнаруживается, что входящие в нее аспекты тяготеют к двум полюсам: с одной стороны, к выражению логико-грамматического содержания, т. е. такого мыслительного содержания, которое выступает как грамматически зафиксированное отражение в человеческом сознании отношений объективной действительности, с другой стороны, к выражению разного рода содержаний, которые связаны с самим процессом коммуникации и, в частности, со складывающимся в процессе речи внутренним отношением говорящего (учитывающим позицию слушающего) к содержанию своего высказывания. Если первый полюс непосредственно дан в самом аспекте логико-грамматических типов предложения, то второй не имеет единого, исчерпывающего выражения, а намечается во взаимодействии ряда аспектов, — прежде всего, трех, стоящих последними в нашем списке. А некоторые аспекты расположены между этими полюсами — например, аспект полноты предложения, о котором уже была речь.

Впрочем, этот полевой характер типологии предложения вполне соответствует общей тенденции грамматических явлений к полевой структуре¹³, а тот факт, что полюсами в системе типов предложения оказываются логико-грамматический аспект и аспекты с четким коммуникативно-грамматическим характером, вполне соответствует тому, что грамматические категории вообще делятся в первую очередь на категории логико-грамматические и коммуникативно-грамматические (по терминологии А. М. Пешковского, впервые выдвинувшего такую классификацию грамматических категорий: объективные и субъективно-объективные)¹⁴. Вместе с тем, надо

¹² Там же, стр. 21—44.

¹³ См.: В. Г. Адмони, Основы теории грамматики, стр. 47—51.

¹⁴ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 89—90.

отметить, что полевая структура у типологии предложения носит весьма своеобразный характер и во многом отличается, например, от полевой структуры частей речи¹⁵.

Вернемся к логико-грамматическим типам предложения. Уточним, что мы понимаем под этими типами. Это — типы, различающиеся по форме и обобщенному содержанию необходимых компонентов предложения в их взаимосоотнесенности. (Под формой здесь разумеется морфологическая форма, но в некоторых языках — прежде всего, в изолирующих — и синтаксическая форма, создаваемая порядком слов и просодическими средствами.) Необходимым условием при определении логико-грамматических типов предложения в каком-либо языке является установление необходимых компонентов предложения, их отграничение от дополнительных, факультативных компонентов. Такое отграничение должно проводиться в условиях максимального устранения воздействий ситуации и контекста, т. е. в состоянии «синтаксического покоя»¹⁶, и заключаться в экспериментальном вычеркивании в конкретных предложениях различных компонентов, без которых соответствующие предложения все же не производят впечатления грамматической незавершенности (метод «вычеркивания»). Полученные таким образом минимальные составы предложения должны быть расклассифицированы по своим формальным различиям и определены в своем обобщенном грамматическом значении. Естественно, что в каждом языке набор логико-грамматических типов предложения должен определяться, исходя из реальных особенностей его грамматической структуры. Такие попытки фактически уже неоднократно делались в применении к различным языкам¹⁷. Как и у всякой грамматической структуры, обобщенное грамматическое значение логико-грамматических типов предложения может обладать значительной сложностью и противоречивостью: в зависимости от лексического наполнения у некоторых видов предложений, обладающих одной и той же формой, обобщенное грамматическое членение может варьироваться в значительных размерах, в чем сказывается полевая структура грамматических форм.

Так, предложения, формально характеризующиеся наличием номинативного подлежащего, переходного глагола и прямого дополнения в вин. падеже, обнаруживают обобщенное грамматическое значение: «производитель действия + действие + объект действия». Но во многих языках такая формальная схема предложения — на основе специфической конкретной семантики глагола — служит и для выявления иных значений: значения состояния (иногда даже с пассивным субъектом-подлежащим), значения существования (наличия) чего-либо и т. д. Например, *Он получил письмо; Сосуд вмещает десять литров* и т. п. Ср. в немецком: *Er hat einen Brief erhalten; Das Faß enthält zwei Hektoliter*¹⁸.

В некоторых случаях, когда конструкции с переходными глаголами, не означающими подлинного действия, направленного на объект, полу-

¹⁵ См.: В. Г. А д м о н и, Полевая природа частей речи (на материале числительных), сб. «Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов)», Л., 1968.

¹⁶ См.: О. В е h a g h e l, Die Herstellung der syntaktischen Ruhelage im Deutschen, IF, XIV, 1903.

¹⁷ Краткий обзор опытов описания логико-грамматических типов предложения на материале разных языков был дан нами в кн.: «Введение в синтаксис современного немецкого языка», М., 1955, стр. 105—106. Там же дан обзор логико-грамматических типов предложения в немецком языке (стр. 102—162) и введен этот термин, впервые намеченный нами в середине 30-х годов. См. также: В. Г. А д м о н и, Типология предложения, стр. 237—264.

¹⁸ Н. В r i n k m a n n, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung, 2. Aufl., Düsseldorf, 1971, стр. 412.

чают особенно широкую сочетаемость и когда возникают некоторые особенности в оформлении других компонентов предложения (подлежащего или прямого дополнения), здесь образуются даже особые разновидности логико-грамматических типов предложения. Но это никак не противоречит тому, что сочетание «именительный падеж субъекта + переходный глагол + аккузативное дополнение» в общем виде, если этому не препятствует конкретная семантика глагола или формально-смысловые особенности именных (или местоименных) компонентов предложения, обозначает соотношение между производителем действия и объектом действия, реализующееся в действии. Именно это значение и является тем обобщенным грамматическим значением, которое привносится данной структурой всюду, где она применяется, и которое заставляет видеть его оттенок до известной степени даже там, где оно не совпадает с конкретной семантикой глагола.

Характерно, что у многих переходных глаголов в их конкретном употреблении обнаруживается целый «веер» оттенков значения, простирающийся от более или менее настоящей «действенности» до полной пассивности. Так, в предложении *Он пошел на почту и получил письмо* глагол получает возможность выявлять определенную активность субъекта, которая уже значительно снижается в предложении *Он получил письмо*, лишенном контекста типа *(Он) пришел и...* Еще более велика пассивность субъекта в предложении *Он получил пощечину; Он получил нахлобучку*. Таким образом, обусловленный конкретным лексико-семантическим наполнением отход от обобщенного грамматического значения данного логико-грамматического типа предложения имеет много градаций, так что случаи резкого несовпадения между обобщенным и конкретным значением предложений этого типа и случаи их совпадения соприкасаются и не могут быть резко отграничены друг от друга. Характерно, что полным противопоставлением предложению *Он получил письмо*, окончательно снимающим всякий оттенок активности лица, в русском языке будет предложение другого логико-грамматического типа с пассивной глагольной формой, в котором подлежащим выступает уже не лицо, а предмет: *Им получено письмо* или — с использованием другого глагола — *Ему прислано (пришло) письмо* или же неопределенно-личная конструкция *Ему прислали письмо*.

Что же касается создания на базе структуры данного логико-грамматического типа разновидностей с другим обобщенным грамматическим значением, то это происходит лишь при наличии устойчивых особенностей в оформлении тех или иных компонентов конструкции. Так, в немецком языке в конструкции «номинативное подлежащее + *haben* + прямое дополнение», выражающей наличие чего-либо (в том числе и каких-либо ощущений, переживаний и т. д.) у кого-либо, характерно употребление при именах нарицательных в качестве дополнения неопределенного артикля, даже если они обозначают конкретные, единственно возможные в данном контексте (или вообще) предметы и лица. Например, *Ich habe einen Vater* «У меня есть отец»¹⁹. А конструкция *Es gibt Regen* «Идет (падает) дождь», выражающая существование предмета (явления), обозначенного аккузативным дополнением, становится особой разновидностью логико-грамматических типов предложения благодаря наличию в предложении безличного *es*²⁰. Снятие обобщенно-грамматического значения объектности

¹⁹ Л. П. Суздальская, Развитие структуры предложения со значением состояния в немецком языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1969; W. G. Admoni, *Der deutsche Sprachbau*, 2. Aufl., Leningrad, 1966, стр. 130—131, 134, 240.

²⁰ См.: Н. Вринкманн, указ. соч., стр. 450; W. G. Admoni, *Der deutsche Sprachbau*, стр. 134, 140.

и обособление в специальные разновидности логико-грамматических типов предложения совершается в данных конструкциях путем закрепления грамматических сдвигов в их построении.

Таким образом, и логико-грамматические типы предложения обладают полевой структурой, для которой характерно наличие определенной периферии, состоящей из таких конструкций, в которых конкретное лексическое значение не совпадает с обобщенным грамматическим значением данной грамматической формы. Но этим отнюдь не опровергается существование логико-грамматического типа предложения как единства определенной структуры и определенного обобщенного значения.

Проблема наличия у логико-грамматических типов предложения обобщенного грамматического значения является, конечно, лишь частью общей проблемы обобщенных грамматических значений грамматических форм. Те трудности и противоречия, которые возникают при попытках последовательного установления таких значений для языков флективного типа, общеизвестны. Они были отчетливо выражены уже в грамматической концепции А. А. Потебни, который, рассматривая грамматическую категорию прежде всего как особую мысль и определяя грамматическую форму как «элемент значения слова»²¹, т. е. ставя во главу угла при грамматическом анализе — по современной терминологии — именно установление обобщенных грамматических значений грамматических форм, приходит к двум крайностям: либо (в общем плане) считает наличие особого обобщенного значения, независимо от наличия или отсутствия звукового выражения этих значений, достаточным основанием для выделения особой грамматической категории (так выделяется, например, ряд падежей в русском твор. падеже)²², либо (при анализе атрибутивных конструкций) полностью подчиняет конкретные лексические значения сочетающихся слов обобщенному грамматическому значению всей конструкции. Приведя пример *цветы ... такой цены и красоты*, Потебня говорит: «Для нас родительные падежи в *цветы такой цены* и пр. суть названия предметов, которым принадлежат цветы; на субстанциальность их указывает, между прочим, именно отсутствие всякого согласования с главным словом и их косвенный падеж»²³.

Думается, что выход из этого противоречия может быть найден при признании сложного, градуированного состава обобщенного грамматического значения грамматических категорий и форм, при выявлении переходных случаев между четким (полным) и лишь частичным проявлением того обобщенного значения, которое преобладает в данной категории или форме, т. е. при признании их полевой структурой. Во всяком случае, трудности анализа не могут быть причиной отказа от обращения к обобщенному грамматическому значению при исследовании любых грамматических категорий, в том числе и логико-грамматических типов предложения. Ведь обобщенное грамматическое значение есть реально существующий момент у большинства грамматических категорий и форм²⁴, и отказ от обращения к обобщенному грамматическому значению повел бы при анализе этих форм к обеднению и к искажению всей языковой действительности. Об этом свидетельствует хотя бы неудача тех крайних направ-

²¹ А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, М., 1958, стр. 39.

²² Там же, стр. 431—516.

²³ Там же, стр. 107.

²⁴ Обобщенным грамматическим значением не обладают чисто формальные разряды слов, а также конструкции, служащие лишь для обеспечения «портативности» синтаксических единиц. См.: W. G. A d m o n i, Der deutsche Sprachbau, § 2; В. Г. А д м о н и, О «портативности» грамматических структур, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.

лений в структурализме, которые хотели исключить грамматическое значение из сферы рассмотрения грамматической теории.

Установление системы логико-грамматических типов предложения для какого-либо языка не означает отказа от выделения в предложении его традиционных членов — в частности, подлежащего и сказуемого. Эти члены предложения лишь конкретизируются в компонентах, из которых строятся логико-грамматические типы. Особенно важно это для номинативного подлежащего, которое дифференцируется. Оно расслаивается на подлежащее, от которого исходит процесс (как действие, так и состояние), выраженный в непереходном глаголе (в двусоставном глагольном предложении), на подлежащее, обозначающее предмет, который выявляется как часть более общего понятия, выраженного в предикативе, или отождествляется с этим понятием (в предложениях с предикативом-существительным) и т. д.

Тот факт, что некоторые логико-грамматические типы предложения лишь ограниченно участвуют в образовании некоторых типов (аспектов) предложения, не должен быть интерпретирован в том смысле, что предложения, входящие в эти логико-грамматические типы, вообще нейтральны по отношению к данным аспектам, как бы не участвуют в них. В каждом предложении присутствуют все аспекты предложения, существующие в соответствующем языке, хотя бы их нулевые немаркированные типы, — например, присутствует аспект полноты предложения (скажем, в форме отсутствия каких-либо отклонений от необходимого состава того или иного логико-грамматического типа), присутствует аспект связи с другими предложениями (хотя бы в форме отсутствия этих связей у простого самостоятельного предложения), присутствует аспект актуального членения предложения (хотя бы в форме отсутствия противопоставленности «данного» и «нового», т. е. в форме одночленности фразы, по терминологии Л. В. Щербы)²⁵ и т. д.

Именно потому, что при выделении логико-грамматических типов предложения обращение к обобщенному грамматическому значению соответствующих структур предложения необходимо, мы считаем и терминологически необходимым выявить в самом наименовании данных типов их специфическое содержание. В данном случае момент терминологический, сам по себе второстепенный и условный, приобретает существенное значение. Нам представляется, что как раз термин «логико-грамматический» выражает специфичность рассматриваемого нами типа предложения наилучшим образом.

Слово «логический» («логико-») несомненно весьма многозначно. Но со времен Гегеля понятие «логики» перерастает свое прежнее содержание, сводившееся к науке о правильности суждений и умозаключений, и логика начинает трактоваться как наука о формах мысли, соотносящихся с явлениями действительности. Именно в этом плане, но как отражение в фигурах логики реальных отношений действительности, трактуется логика марксизмом. А стремительное развитие логики как науки за последнее столетие, создание новых видов логики означает не только все более формализующийся («логицистический») характер логики, но и расширение ее содержательного понимания. В частности, развивается и логика отношений, превращающая, по сути дела, в объект логики такие языковые конструкции (логико-грамматические типы предложения), которые по своей структуре не совпадают с суждением в его классической форме, выражая иное отношение объективной действительности.

²⁵ См.: Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, 4-е изд., М., 1953, стр. 123—124. См. также: В. Г. А д м о н и, Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности, ФН. 1960, 1.

На основании всего этого мы придаем термину «логический» в грамматике значение мыслительного содержания категорий и форм, сформулированного в терминах понятий вещей и отношений между вещами реальной действительности. Конечно, эти вещи и отношения выражаются в языковых формах не непосредственно, а лишь пройдя через мышление, отразившись в понятиях и отработанных связях между понятиями в человеческом мышлении. Но поскольку основная цель речевой коммуникации — это сообщение именно об отношениях между вещами и поскольку в сфере грамматических форм выражению подлежат чрезвычайно общие разряды вещей, явлений и т. д. и отношения между вещами, то представляется вполне возможным, как это давным-давно и практикуется в грамматике, при описании обобщенного грамматического значения пользоваться терминами реальной действительности (например, говорить об обобщенном значении предметности или субстанциональности при характеристике существительного). Поэтому те типы предложения, которые различаются между собой по форме своих необходимых компонентов и по обобщенному грамматическому значению этих компонентов в их взаимосвязи, т. е. по своему логическому (в вышеоговоренном смысле этого слова) значению, могущему быть обозначенным наименованиями реальных вещей и их отношений, мы считаем возможным именовать логико-грамматическими типами предложения. Когда речь идет, например, о типе предложения, образованном путем сочетания им. падежа — подлежащего с транзитивным глаголом и прямым дополнением, то характеристика обобщенного грамматического значения этой структуры как соотношения между производителем действия, действием и предметом действия (объектом) является логической характеристикой (опять-таки в том смысле, который мы выше придали слову «логический»), а весь этот тип точнее всего может быть обозначен как определенный логико-грамматический тип предложений.

Именно тот факт, что в типах предложения, которые мы называем логико-грамматическими, отразились — через посредство мышления — основные отношения объективной действительности, и является причиной того, что существует далеко идущая близость между наборами основных логико-грамматических типов в языках самого различного строя. Логика действительности, с которой человек неуклонно сталкивался в своей практической деятельности, отражалась в его сознании и запечатлевалась в структуре предложения несравненно раньше, полнее и шире, чем она получала теоретическое осмысление в человеческой науке о формах мышления. Да и само это теоретическое осмысление, т. е. развитие логики как науки, в немалой мере совершалось с непосредственной опорой на языковые, грамматические структуры, а именно на логико-грамматические типы предложения.

В современном языкознании весьма сильна, однако, тенденция вообще заменять классификацию типов предложения, учитывающую характер его необходимых членов, классификацией, целиком опирающейся на формальную схему синтаксической зависимости одних компонентов предложения от других. Идя по этому пути, так называемая «грамматика зависимостей» усматривает в предложении лишь один главный член — глагол, сочетательные потенции (валентность) которого и определяет формальные разновидности предложения²⁶. Тем самым оказывается возможным обойтись без семантической характеристики типов (схем) предложения, т. е. без установления логико-грамматических типов предложения.

²⁶ См., например: L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959; Б. А. Абрамов, *Синтаксические потенции глагола (Опыт синтаксического описания глаголов современного немецкого языка как системы)*. Автореф. канд. диссерт., М., 1968.

Но такое сведение системы логико-грамматических типов предложения к правилам сочетаемости спрягаемого глагола резко противоречит природе предложения, вообще конкретным языковым фактам даже в тех языках, в которых есть глагол как четко оформленная морфологическая категория. Здесь должно быть учтено, по крайней мере, следующее:

1. Едва ли не во всех языках (в том числе индоевропейских, за пределы которых мы в данной статье выходить не будем) существуют логико-грамматические типы предложения, в которых глагол отсутствует. При этом отсутствие глагола является здесь не результатом эллипсиса, опирающегося на особые условия ситуации или контекста, а представляет собой закономерное, устойчивое явление. Наибольшее значение тут имеют два типа, представленные и в русском языке; бессвязочные предложения со значением тождества или включения более частного понятия в понятие более общее (*Он студент*) и предложения, оформленные существительными в им. падеже, со значением существования (односоставные номинативные бытийные предложения: *Ночь. Тишина*).

В отношении первого типа в применении к древнему состоянию индоевропейских языков Э. Бенвенист выдвинул весьма аргументированную концепцию, согласно которой бессвязочные предложения являются не усеченной формой связочных предложений, а особым типом, выражающим значения тождества, между тем как связочный тип выражает значение переменного признака²⁷. Однако и независимо от проблемы генезиса бессвязочного типа предложений с именным предикативом в высшей степени существенно, что в системе современных индоевропейских языков возможны такие типы предложения, в которые нельзя включить связку. Конечно, и эти типы предложения в более широком плане существуют на фоне общей глагольности предложения, а отсутствие связочного глагола здесь можно истолковать как наличие нулевой связки, которая показывает исходные формы во временной системе (настоящее время) и в системе наклонений (изъявительное наклонение), о чем блестяще писал А. М. Пешковский²⁸. Но в сфере синтаксиса есть также функции, которые вообще не могут быть выполнены нулевыми формами. Синтаксические единицы и особенно предложение как основная реальная единица речевой коммуникации, а в предложении его каркас, состоящий из необходимых компонентов предложения, должны быть построены как четко организованные, динамические структуры, обладающие устойчивостью и способные служить надежной опорой для наращиваемых на основной каркас предложения его второстепенных компонентов. Очевидно, что никакая нулевая, т. е. не получившая звукового выражения, форма служить такой реальной опорой для второстепенных компонентов предложения и вообще участвовать в построении конкретного каркаса предложения не может. Если рассматривать предложение с точки зрения языка как системы построения²⁹, то считать в предложениях с нулевой связкой эту нулевую связку господствующим компонентом всего предложения попросту невозможно. Реальный структурный каркас предложения в рассматриваемых здесь бессвязочных структурах создается взаимоустремленными друг к другу подлежащим и предикативом. Конечно, при поддержке соответствующей интонации.

Столь же невозможным представляется нам примысливание какой-либо нулевой глагольности как момента, организующего предложение,

²⁷ E. B e n v e n i s t e, La phrase nominale, «Problèmes de linguistique générale», Paris, 1966.

²⁸ А. М. П е ш к о в с к и й, указ. соч., стр. 259 и сл.

²⁹ См.: В. Г. А д м о н и, Основы теории грамматики, М.— Л., 1964, стр. 23—33.

к им. падежу, являющемуся необходимым (и часто единственным) компонентом в односоставных номинативных бытийных предложениях.

2. Взгляд на предложение как на структуру, целиком организуемую глаголом, и на все неглагольные компоненты предложения как на такие, которые зависят от глагола, приводит к полной «уравниловке» остальных компонентов предложения — в частности, им. падеж подлежащего оказывается всего лишь одним из «актантов» глагола³⁰. Но в реальной структуре предложения роль им. падежа подлежащего фактически несопоставима с ролью других именных падежей, непосредственно связанных с глаголом. Формально и семантически не завися от глагола, даже вызывая, напротив, формальные сдвиги в форме глагола и предикатива (согласование по числу и по роду), этот падеж, вместе с тем, не абсолютен, а вводится в предложение именно для того, чтобы устремиться к глаголу (вообще к сказуемому, которое в свою очередь устремлено к подлежащему — естественно, в тех типах и разновидностях предложения, в которых вообще имеется подлежащее). Поэтому подлежащее и глагол (сказуемое), как это впервые было убедительно показано И. Рисом³¹, структурно равноправны, связаны как два «взаимоприписываемые» друг другу компонента предложения, которые в своем соотношении и образуют (в тех типах, в которых оба они представлены) структурную основу предложения. Но нельзя ставить на одну доску и ряд других «актантов», в разных функциях сочетающихся с глаголом или связкой. Так, особое значение для образования предложения как коммуникативно завершенного единства имеет предикатив. Характерно, что предикатив в системе Л. Теньера к актантам не причисляется, но другие представители грамматики зависимостей рассматривают такую позицию как непоследовательную³². Кроме того, в своем стремлении к последовательности они считают и вспомогательный глагол господствующим над глагольными именами в сложных глагольных формах³³. Таким образом, сведение структуры предложения к системе зависимостей, в центре которой стоит глагол, обедняет и искажает реальное положение вещей в структуре предложения. Если такое сведение может быть допущено при осуществлении каких-либо специальных задач исследования или прикладных задач языкознания, то как прием для познания подлинной природы структуры предложения такое сведение себя совершенно не оправдывает.

Структура предложения в своем основном, самом глубинном аспекте, где она предстает как структура, оформленная использованием необходимых для завершенности предложения словоформ разного вида, не может трактоваться как система формально-синтаксических зависимостей одних словоформ от других. Она может быть раскрыта в своем подлинном существе лишь как ряд конструкций, каждая из которых обладает особым сочетанием необходимых словоформ и возникающим из этого сочетания особым обобщенным грамматическим значением, т. е. она может быть раскрыта лишь как ряд логико-грамматических типов предложения, которые в каждом языке в своем построении соотносены друг с другом и опираются друг на друга, но все же не могут быть полностью сведены один к другому.

³⁰ См.: L. Tesnière, указ. соч., стр. 5.

³¹ J. Ries, Was ist ein Satz?, Praga, 1931, стр. 64 и сл.

³² G. Helbig, W. Schenkel, Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben, Leipzig, 1969, стр. 42—44.

³³ Там же.